

Анна Павлова, Михаил Безродный

ЛОЖНЫЙ ВЫЗОВ

Думается, что чувство недоумения и досады, которое у Алексея Шмелева оставила наша статья, объясняется прежде всего противоположностью его и нашего отношения к таким материям, как национальный характер, национальная ментальность и под. Не сомневающийся в их реальности, А. Шмелев видит задачу науки в том, чтобы «подвести под рассуждения о „русской ментальности“ объективную базу, без которой такие рассуждения часто выглядят поверхностными спекуляциями»¹. Мы же считаем национальный характер и ментальность фантомами и полагаем, что рассуждения о них не «часто выглядят» спекуляциями, а являются таковыми всегда – независимо от того, сколь интенсивны и чем именно (обмером черепов или сопоставлением лексиконов) сопровождаются усилия придать этим спекуляциям научную респектабельность. «Может быть, А. Павлова и М. Безродный отрицают правомерность изучения стереотипов?» – удивляется А. Шмелев. Нет, изучать их, разумеется, необходимо. Но, когда за это берутся исследователи, убежденные в обоснованности стереотипов, изучение неизменно оборачивается пропагандой.

«Допустимо ли изучать русский язык?» – осведомляется А. Шмелев, понимая под таковым изучением работы авторов сборника «Ключевые идеи русской языковой картины мира», поставивших своей целью «обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психические реакции, которые русский язык навязывает говорящему на нем»². Отчего же нет? Только не стоит удивляться, что попытки вывести особенности русского характера из русского языка могут вызвать реакцию вроде следующей:

© А. Pavlova, М. Bezrodnyj, 2011

© TSQ (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Шмелев А. Д. Национальная специфика языковой картины мира // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира: (На материале рус. грамматики). М., 1997. С. 481.

² От авторов // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 13.

«...Этнолингвистика тотализующего типа, которую практикуют авторы сборника „Ключевые идеи“ <...> является выражением не-сколько „наивного“ мировосприятия – чем-то вроде лингвистического варианта этнографии в традиции Геродота <...> Это позиция не столько *пост*структуралистская, сколько *пред*структуралистская: представление <...> о некоем недифференцированном носителе языка коренится в романтической идее национального языка как отражения трансцендентного и неотчуждаемого единства самого народа. <...> хотелось бы увидеть более внятную рефлексию о роли, которую предполагаемые ключевые понятия играют в том, что можно обозначить как „дискурс национального“ – в спорах о русскости, вместо вольных импровизаций на тему „говорить на русском“»³.

Испытанное А. Шмелевым чувство недоумения и досады есть также следствие разного понимания им и нами предмета и задач нашей статьи. Мы предложили краткий экскурс в историю русского лингвонационализма начиная с XVIII в. и привели суждения восьми десятков литераторов и ученых; преимущественное внимание уделялось постсоветскому периоду: во второй, большей, части статьи мы сделали обзор работ, написанных в русле гипотезы лингвистической относительности, и процитировали характерные, на наш взгляд, высказывания некоторых из ее приверженцев, а также мнения некоторых из ее критиков.

А как понял предмет и задачи нашей статьи А. Шмелев?

«...Основной мишенью для А. Павловой и М. Безродного оказываются исследователи, ставящие своей целью реконструкцию языковой картины мира и ее соотнесение с особенностями культуры, обслуживаемой этим языком <...> В области изучения значения языковых единиц с последующей их культурной интерпретацией, вслед за Анной Гладковой <...> можно выделить три направления, идейно и методологически связанные друг с другом: (1) Московскую семантическую школу интегрального описания языка и системной лексикографии, возглавляемую Ю. Д. Апресяном (МСШ); (2) Анна Вежбицка и ее коллеги, применяющие метод «естественного семантического метаязыка» (ЕСМ); (3) группа московских исследователей, которую Анна Гладкова называет «московская группа культурной семантики» (в некоторых других работах используется обозначение «новомосковская школа концептуального анализа» <...>). И действительно, именно

³ Келли К. Рец. на кн.: Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005 // Антропол. форум. 2007. № 6. С. 404, 405.

указанные три направления в первую очередь рассматриваются и подвергаются критике в статье А. Павловой и М. Безродного».

К третьему направлению А. Шмелев причисляет себя и других авторов сборника «Ключевые идеи...». В каких «некоторых других работах» это направление именуется «новомосковской школой концептуального анализа», выяснить не удалось (в примечании А. Шмелев пишет «см., напр.» и ссылается только на собственный доклад 2004 г.), но, как бы то ни было, оснований считать указанный авторский коллектив самостоятельной научной школой, а не учениками А. Вежбицкой мы не видим. Определенные различия между ними, безусловно, существуют: так, А. Вежбицкая сопоставляет лексические единицы шести индоевропейских языков, японского и австралийских, а ее московские последователи, говоря об особенностях русского, лишь изредка сравнивают его с «другими языками», под которыми понимается преимущественно английский, причем носителя английского их наблюдения не убеждают⁴. Но эти различия вызваны не расхождением в установках, а разницей в возможностях; при равенстве же последних заметить различия трудно. Так, А. Вежбицкая при выделении ключевых слов весьма редко пользуется критерием частотности, а до какой степени он кажется релевантным А. Шмелеву, видно, например, по его вопросу, откуда это у нас данные о частотности русских существительных. (Сознаемся: с сайта «Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка», подготовленного институтом, в котором А. Шмелев числится заводделом.) Проблему сбора доказательств А. Вежбицкая и авторы «Ключевых идей...» вообще решают с одинаковой легкостью. Перечислив возможные критерии выделения ключевых слов, А. Вежбицкая пишет:

«But the question is not how to „prove“ whether or not a particular word is one of the culture’s key words, but rather to be able to say some-

⁴ «Серьезные сомнения вызывает и характер приводимого для сравнения языкового материала. Отрицания, приводимые в качестве доказательств („слово X, выражающее понятие Y, не существует в языке Z“), могут вызвать вопросы. Однако авторы сборника по непонятной причине решили не обращаться к помощи носителей языка, которые могли бы пояснить оттенки значения, не описанные в словарях, дать языковые комментарии, а также поделиться мнением по поводу того весьма ограниченного и произвольного набора беллетристических сочинений, из которых берутся примеры» (Там же. С. 401).

thing significant and revealing about that culture by undertaking an in-depth study of some of them»⁵.

Это рассуждение, по-видимому, послужило образцом для заявлений, сделанных А. Шмелевым в вводной статье к «Ключевым идеям...» («Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?»):

«Может показаться, что речь идет о каком-то заранее заданном множестве „ключевых“ слов языка, относительно которых и ставится вопрос: не могут ли они способствовать пониманию культуры? Тогда неизбежно возникает вопрос, как выявляется это множество и на каком основании мы относим то или иное слово к „ключевым“. На самом деле само понятие „ключевого“ слова уже содержит в себе положительный ответ на заданный в заглавии вопрос. Можно считать лексическую единицу некоторого языка „ключевой“, если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося этим языком»⁶;

и в заключении:

«При сопоставлении культур, опирающемся на сопоставление обслуживающих их языков, мы используем схожие (с теми, что использует А. Вежбицкая. – *АП, МБ*) критерии выделения „ключевых слов“ <...> Но этим критериям не придается решающее значение. Слова языка могут считаться „ключевыми“ для обслуживаемой им культуры, если они дают „ключ“ для понимания каких-то существенных ее особенностей»⁷.

Говоря коротко, слово является ключевым, если оно может служить ключом⁸, а что сверх того, то от лукавого.

⁵ Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford u. a., 1997. P. 16.

⁶ Шмелев А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Указ. соч. С. 17.

⁷ Его же. Комментарий к статье Анны Вежбицкой // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Указ. соч. С. 500.

⁸ Пристрастие авторов «Ключевых идей...» к таким конструкциям уже отмечалось: «Аргументация <...> движется по кругу: ключевые слова идентифицируются по признаку их непереводаемости, а определяющим свойством ключевых слов является то, что они не поддаются переводу <...> Манера аргументации такова: русские слова имеют особенные значения потому, что их значение особенное» (Келли К. Указ. соч. С. 400, 401).

Одинаково ли А. Вежбицкая и ее московские последователи трактуют гипотезу лингвистической относительности? Нет, но имеющиеся расхождения не становятся предметом открытой дискуссии (без которой появление двух школ на месте одной – невозможно). Так, А. Вежбицкая нашла нужным дистанцироваться от утверждения своих московских учеников, что язык «навязывает» своему носителю образ мышления и стиль поведения: «Лично я бы сказала не „навязывает“, а „подсказывает“»⁹. В отзыве на нашу статью А. Шмелев самолюбиво оспорил правомерность этой поправки, однако тут же примирительно заявил: «Впрочем, особого значения выбор слова здесь не имеет». Такое признание вряд ли легко далось исследователю тончайших смысловых оттенков слов, но цена мира, очевидно, выше. Задумываться же о выборе слов приходится не только А. Вежбицкой, из поздних работ которой исчезает термин «национальный характер»¹⁰, но и ее ученикам, пишущим на русском: «Если в первых публикациях этой группы злополучное выражение „национальный характер“ используется легко и бездумно, проникая даже в заголовок (Зализняк/Левонтина 1996), то в дальнейшем и здесь (т. е. как и в работах А. Вежбицкой. – А. П., М. Б.) начинает проявляться осторожная сдержанность»¹¹; не отказавшись вовсе от этого термина, они научились хотя бы иногда прикрывать его неприличную наготу кавычками¹².

Впрочем, как именно называть авторов «Ключевых идей...», вопрос не слишком принципиальный. Пускай, если угодно, зовутся «новомосковской школой». С чем мы, однако, согласиться не можем, так это с утверждением А. Шмелева, будто мы занимаемся «в первую очередь» разбором и критикой названных им трех направлений. Это заблуждение: говоря о постсовесткой российской лингвистике,

⁹ Вежбицкая А. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серио утверждает, что нет) // Динамические модели: Слово, предложение, текст. М., 2008. С. 185.

¹⁰ См.: Weiss D. Zur linguistischen Analyse polnischer und deutscher «key words» bei A. Wierzbicka: Kulturvergleich als Sprachvergleich? // *Berührungslinien: Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs*. Hildesheim u. a., 2006. S. 234.

¹¹ Idem. S. 235. В цитате приводится ссылка на статью: Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка: (Размышления по поводу кн.: А. Wierzbicka, *Semantics, Culture, and Cognition*) // *Russian Linguistics*. 1996. Vol. 20. P. 237–264.

¹² Так, при воспроизведении в «Ключевые идеях...» текста публикации, названной в предыдущем примечании, словосочетание «национальный характер» заключено в кавычки.

мы цитируем публикации не только Ю. Апресяна и А. Шмелева, но еще трех с лишним десятков авторов, связанных с другими направлениями или не связанных ни с какими.

Не заметить этих цитат было невозможно, и А. Шмелев истолковал их присутствие как свидетельство того, что мы то и дело отклоняемся от своей цели – критики «рассматриваемых направлений». Точнее, однако, было бы написать: направлений, *имеющих быть рассматриваемыми*, по моему, А. Шмелева, убеждению, и *имевших бы быть рассмотренными*, пиши я, А. Шмелев, работу о судьбе гипотезы лингвистической относительности в постсоветском российском языкознании. А поскольку наше видение ситуации сильно расходится с его собственным, А. Шмелев подозревает нас в непонятливости:

«Возможно, недоразумение связано с тем, что А. Павлова и М. Безродный плохо понимают сущность понятия „языковая картина мира“».

Что Павлова и Безродный плохо понимают сущность чего бы то ни было, конечно, не исключено (вспоминается анекдот, популярный у филологов 1970-х: «Якобсон не понимает, что...», – написал кто-то из советских лингвистов; «Якобсон не понимает, – отозвался в рецензии А. Исаченко. – Куда ему!»), но в данном случае «недоразумение» связано с другим: в нашей статье рассматривается продукция не одной, а многих (в том числе нескольких новомосковских) артелей по раскраске и сбыту русской языковой картины, лубка, иконы и олеографии.

А. Шмелева удивляет, отчего мы столько внимания уделяем проблеме критериев выделения ключевых слов – ведь ни А. Вежбицкая, ни «новомосковская школа» не придают этим критериям большого значения. Действительно, рассматривая мы работы только этих авторов, много говорить о критериях не пришлось бы, однако в числе публикаций, отобранных для обзора, имеются и такие, авторы которых пытаются придать неогумбольдтианской идее академический облик.

Или взять другой случай неудовольствия А. Шмелева:

«А. Павлова и М. Безродный предпочитают говорить не о ясном понятии „языковая картина мира“, а о неопределенных понятиях, не имеющих непосредственного отношения к лингвистике, таких, как, напр., „национальный характер“».

Постичь смысл этого упрека мы не в силах. Каким образом в обзоре работ о влиянии языка на национальный характер можно было бы предпочитать не говорить о понятии «национальный характер»? И, коли это понятие лишено определенности и не имеет непосредственного отношения к лингвистике, то зачем им оперирует А. Шмелев¹³? И почему он не только не отделяет «неопределенное» понятие от «ясного», а выводит первое из второго?

«„Национальный характер“ понимается здесь как фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов»¹⁴.

А. Шмелева не устраивает, что мы не только неверно толкуем известное ему понятие, но еще и употребляем термины, о которых он не слышал:

«Они не поясняют смысл используемого ими прилагательного „лингвокультурологический“; по-видимому, это прилагательное к слову „лингвокультурология“, но что они под этим понимают, остается неясным. Можно было бы полагать, что это дисциплина, изучающая язык и культуру в их взаимодействии, как это делают в области советской культуры Гасан Гусейнов, а скажем, в области народной культуры – С. Е. Никитина; сюда же можно было бы отнести описание особенностей стилей коммуникации и речевого этикета».

Эти гадания о содержании понятия «лингвокультурология» хорошо иллюстрируют степень знакомства А. Шмелева с ситуацией в современной российской лингвистике, которую он вызвался прокомментировать, чтобы у наших читателей не сложилось превратное о ней представление. Языковед, он не обратил внимание на появление за последние двадцать лет целой армии лингвокультурологов. Педагог – не заметил, как лингвокультурология утвердилась

¹³ Напр.: «Мы знаем, что ярким отражением характера и мировоззрения народа является язык, и, в частности, его лексический состав»; «Важно предостеречь от прямолинейных выводов о национальном характере на основе анализа одной-двух лексических единиц» (Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Указ. соч. С. 25, 35).

¹⁴ Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Указ. соч. С. 65.

в системе учебных курсов языковых факультетов российских вузов¹⁵. (Присутствует она и в списке дисциплин, предлагаемых кафедрой русского языка МПГУ, профессором которой А. Шмелев числится.) Другой пример:

«Что такое „лингвокультурема“, авторы не объясняют, полагая, вероятно, это самоочевидным. Однако очевидно только, что это какой-то термин, а содержание его остается неясным. Насколько я знаю, этот термин не встречается ни в работах Э. Сепира, ни в работах Б. Уорфа, ни в работах Анны Вежицкой и ее последователей, ни в работах российских лингвистов, принадлежащих к рассматриваемым направлениям».

Этот неведомый А. Шмелеву термин вошел в научный обиход самое позднее с середины 1990-х¹⁶ и с конца 1990-х то и дело встречается в заголовках публикаций¹⁷, мирно сосуществуя с известной А. Шмелеву терминологией, – взять хоть заглавие книги Е. Бусуриной: «Лингвокультурема „дурак“ в русской языковой картине мира» (СПб., 2004).

Вообще говоря, узнав, что А. Шмелев и не слыхивал о лингвокультурологии (и, кажется, о потесненном ею лингвострановедении тоже), мы преисполнились к нему чувства тоскливой зависти – совсем как столичный экзаменатор к урюпинскому студенту. Убеждены, что, доведись А. Шмелеву ознакомиться с продукцией обследованных нами направлений, он отозвался бы о ней так же, как об одной из процитированных им публикаций: «околонаучная». Но, во-

¹⁵ Учебные пособия по этому предмету выходят самое меньшее десять лет, т. е. начиная с кн.: Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.

¹⁶ См.: Воробьев В. В. Лингвокультурема как единица поля // Рус. яз. за рубежом. 1994. № 4. С. 75–82. О содержании этого понятия см., напр., разд. «Лингвокультурема как единица описания» (в кн.: Воробьев В. В. Лингвокультурология. М., 2008. С. 44–57) и разд. «Лингвокогнитивное моделирование картины мира. Лингвокультурема» (в кн.: Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка: Учеб. пособие. М., 2010. С. 123–137).

¹⁷ См., напр.: Токарев Г. В. К вопросу о функционально-семиотической специфике лингвокультуры // Коммуникативно-прагматическая семантика: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С.170–174; Столбовая Л. В. Эмоциональный компонент лингвокультуры «дискомфорт» // Лингвистические и дидактические основы вербальной грамотности государственных служащих. Волгоград, 2004. С. 38–42; Снячкин В. П. Лингвокультурема «хлеб», «хлеба» в художественной литературе // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2007. № 1. С. 15–21; Ермоленко Г. М. Лингвокультурема тематической группы «одежда»: (Сопоставит. анализ на материале англ. и рус. яз.). Пятигорск, 2009.

первых, определения науки вроде «это то, чем занимаются Гаусс, Чебышев, Ляпунов, Стеклов и я» забавны в устах математика, а в устах филолога, даже великого, смехотворны. Во-вторых, в своем обзоре постсоветских публикаций мы и не брались замерять степень их близости к Науке – речь у нас идет, напомним, о «работах академического (по характеру оформления, месту публикации и месту службы автора) профиля». В-третьих, признаваться, что «ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал», разумеется, не зазорно, но встречать такие признания на каждой странице сочинения, жанр которого самим автором определен как «комментарий», непривычно.

Представим себе, что в распоряжении любимого сына лейтенанта Шмидта оказался бы аналитический обзор деятельности не только ему подобных (а у лейтенанта, напомним, было «тридцать сыновей в возрасте от 18 до 52 лет и четыре дочки, глупые, немолодые и некрасивые»), но и других «отрядов мифических родственников», о коих он и не подозревал: «фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующие племянники Фридриха Энгельса, братья Луначарского, кузины Клары Цеткин». Какое чувство охватило бы любимого сына лейтенанта Шмидта, возмись он читать этот обзор как собственное жизнеописание? Вероятно, чувство недоумения: «С кого они портреты пишут? Где разговоры эти слышат?» и досады: «А если и случилось им, так мы их слышать не хотим!».

И, с раздражением отбросив непонятный ему текст, сын Шмидта снова уткнулся бы в любимую брошюру «Мятеж на „Очакове“». Не то А. Шмелев. Отказываясь верить, что в нашей статье обсуждаются работы (еще и) других исследователей, он осваивает технику чтения между строк. Мы пишем, к примеру, что в неогумбольдтианских публикациях, тяготеющих к полюсу эссеизма, открыто пропагандируется идея русской исключительности и в качестве примера указываем на лингвострановедческие пособия, в которых цитируются сочинения идеологов русского национализма... Э, нет, перебивает нас бдительный А. Шмелев, какой тут Миколка, тут не Миколка! Разговор о каком-то лингвострановедении затеян нами для отвода глаз, а имеются в виду эссе представителей «новомосковской школы концептуального анализа», и какие эссе! блестящие эссе! (так и пишет: «блестящие эссе»). А стало быть? Это их, представителей «новомосковской школы», мы обвиняем (нет нужды что упоминая при этом совсем другие имена и работы) в открытой пропаганде идеи русской исключительности! Спору нет, представители «новомосковской школы» – плодовые сочинители, но ведь далеко не

единственные, кто писал, пишет, будет писать эссе об уникальном русском характере «по данным языка». Или прав автор поэмы о лейтенанте Шмидте, заметивший, что дискомфортное молчание равносильно невыносимому шуму («„Тише!“ – крикнул кто-то, не вынеся тишины»)?

Что же касается сочинений «новомосковской школы», то градус национализма в них, конечно, ниже, чем в литературе, которую А. Шмелев называет «дешевой публицистикой на тему „русской исключительности“ и „особого пути“», однако все же достаточно высокий, чтобы у рецензента «Ключевых идей...» имелись основания заметить: в этом сборнике «проводится мысль о том, что специфичность связана с духовным превосходством»¹⁸.

Впрочем, это цитата из «западного» отзыва, а к таким источникам у А. Шмелева отношение особое. Оставляя без внимания значительную часть наших ссылок, он приписывает нам авторство цитируемых нами оценок, которыми западные ученые награждают предтеч и последователей А. Вежбицкой. Изображая нас и только нас ответственными за все эти отзывы, А. Шмелев хочет уверить читателей (и, кажется, себя самого тоже), что никакой заслуживающей внимания критики, в сущности, нет.

Вот пример того, как А. Шмелев пересказывает и комментирует нашу статью:

«В связи с гипотезой Сепира-Уорфа А. Павлова и М. Безродный указывают на „ошибочность представлений Уорфа о языке хопи... и ставшего хрестоматийным утверждения о многочисленных наименованиях снега в языке эскимосов“ и выражают удивление, что „через десять лет после разоблачения этой выдумки“ Е. В. Падучева „утверждает: “...В эскимосском языке есть много названий для снега”».

Ничего подобного, никакого удивления по поводу этой оплошности, отмеченной в статье Лучины Джеберт, ссылке на которую А. Шмелев не хочет видеть, мы не выражали: чему удивляться, коль скоро, как мы пишем, именно недостаток сведений о судьбе гипотезы лингвистической относительности послужил одной из причин постсоветского увлечения ею. Далее, защищая право Уорфа и Е. Падучевой на собственные суждения, А. Шмелев отмечает:

«... к сожалению, полемика о языке хопи и эскимосских языках часто ведется людьми, имеющими об этих языках довольно отдален-

¹⁸ Келли К. Указ. соч. С. 412.

ное представление и тем самым невольно иллюстрирующими известный афоризм Козьмы Пруткина о тех, кто не зная „законов языка ирокезского“, делает „по сему предмету суждения“».

Привычка дилетантов мешаться в спор специалистов, разумеется, достойна порицания, только кто же дилетанты в данном-то случае: неужто разоблачившие Уорфа ученые, ссылки на труды которых мы прилежно приводим? Каковые ссылки А. Шмелев игнорирует с равнодушием, постоянству и неподдельности коего могла бы позавидовать сама природа, точащая, по свидетельству поэта, сияние вечной красоты.

Или. Прочитировав наши слова о том, что на западных коллег работы А. Вежбицкой «производят впечатление анахроничных и маргинальных», А. Шмелев страницей ниже замечает:

«Оценку работ Анны Вежбицкой как „анахроничных и маргинальных“ приходится оставить на совести А. Павловой и М. Безродного (и, возможно, авторов, на которых они ссылаются)».

Что значит «возможно»? В чем, собственно, А. Шмелев не вполне уверен: в нашей способности адекватно передать содержание прочитанного или в самом факте существования названных нами статей – Патрика Серио, Даниэля Вайса и Элизабет Бальдауф? Предположим, выяснить онтологический статус второй и третьей А. Шмелеву было недосуг, но с содержанием-то первой он точно знаком! Так почему же тогда «возможно»?

(Кажется, перед нами чудесный случай снятия противоречия между знанием и верою, а чудесен он тем, что это снятие происходит вопреки законам, сформулированным самим А. Шмелевым. В одной из своих работ он пишет, что высказывания типа *X знает, что P, но не верит, что P* лишь кажутся абсурдными; их можно интерпретировать так: «*X „знает“* в том смысле, что независимо от своей воли поставлен в известность, что *P*, но по своей воле принять *P* он не желает». А вот высказывание типа *Я знаю, что P, но не верю, что P* – действительно абсурдно¹⁹. Получается, как видим, что и в первоначальной форме такие высказывания вполне нормальны. *Независимо от своей воли я, А. Шмелев, поставлен в известность о существовании статьи П. Серио, но принять это знание по своей воле отказываюсь.*)

¹⁹ См.: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира: (На материале рус. грамматики). М., 1997. С. 403.

Усомнившись в достоверности наших сведений о реакции западных лингвистов, А. Шмелев пишет:

«Эта оценка не является в западной лингвистике ни общепринятой, ни господствующей».

Следует знак сноски, а в примечании – нет, не примеры противоположных оценок, а нечто неизмеримо более ценное – мнение А. Шмелева о подоплеке наших усилий по выявлению западных откликов:

«Удивляет также, что А. Павлова и М. Безродный явно рассматривают „Запад“ как некую важную инстанцию, которая раздает оценки, не подлежащие обжалованию».

Итак, во-первых, вряд ли это действительно западная оценка, во-вторых, пускай западная, но ведь не господствующая же, а в-третьих, с каких это пор западные оценки нас вообще должны волновать! Ладно, пускай не должны, но зачем же было тянуть с этой декларацией независимости, для чего понадобилось сперва изображать наши сведения недостоверными, а затем объявлять их содержание нетипичным? Наконец, что такого уж удивительного в низкопоклонстве Павловой и Безродного? Лижут кормящую руку и тщатся принизить значение лучших достижений российской науки. В бессильной злобе.

Как говаривала одна бонна своему русскому воспитаннику (напомним: «лет семи с необыкновенно надменной физиономией, вымазанной соевым шоколадом, и с тремя следами от ногтей под глазом»): «– Фуй, Альёша».